

DOI: 10.12731/wsd-2014-1.1-4

УДК 82.09

ДИАЛОГ С РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ КАК ДОМИНАНТА ЭСТЕТИЧЕСКОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ В ЛИРИКЕ ЛЕОНИДА ГУБАНОВА

Рухлов А.В.

Диалог с русской историей является одной из важнейших форм авторского самоопределения в лирике Леонида Губанова (1946-1983) – лидера русской андеграундной поэзии второй половины XX века. Обращение к историческому прошлому как к самоидентификационному полю вытекает из невозможности самоидентифицироваться в современной поэту реальности. При этом в лирике Губанова можно выделить ряд пространственно-временных локусов русской истории, которые являются для поэта концептуальными точками самоопределения: Древняя Русь, эпоха Ивана Грозного и опричнина, эпоха петровских преобразований и стрельцкий бунт, сталинская эпоха и другие. Обращение к истории России при этом выполняет ряд функций: формирует систему авторской самономинации, служит временным маркером той или иной эпохи, может быть механизмом формирования изобразительно-выразительных средств, а также формирует целостный культурно-исторический дискурс, особую модель мира в лирике Леонида Губанова.

Ключевые слова: эстетическое самоопределение; диалог с русской историей; формы самоидентификации; маска лирического героя; трансформация авторского «Я»; ассоциативность поэзии; кодировка эпохи.

**DIALOG WITH RUSSIAN HISTORY
AS A DOMINANT OF AESTHETIC SELF-IDENTIFICATION
IN LEONID GUBANOV'S LYRICS**

Rukhlov A.V.

One of the prominent forms of the author's self-identification in Gubanov's poetry (the leader of the Russian underground poetry of the second half of the 20th century) is a dialogue with the Russian history. The impossibility to identify himself within contemporary reality makes him project himself on the Russian historical background. The conceptual points of the author's self-identification are: Ancient Russia, the epoch of Ivan the Terrible and oprichnina, Peter the Great's reforms and Strelets' riot, Stalinism and the others. Russian background functions as a system of the author's self-identification, the temporal marker of this or that epoch, and as a mechanism of stylistic means of expression. Moreover, it creates a certain cultural and historical view of the world in the author's mind.

Keywords: *aesthetic self-identification; dialogue with Russian history; forms of self-identification; mask of the lyrical hero; associativity poetry; encoding of epoch.*

Леонид Георгиевич Губанов (1946-1983) – один из самых ярких русских поэтов второй половины XX века, лидер неофициального литературного объединения СМОГ. Несмотря на яркость таланта и самобытность лирики, Губанов при жизни был поэтом запрещённым и непечатным, его известность ограничивалась рамками московской богемы. Именно поэтому актуальна проблема комплексного анализа личности и творчества Губанова во взаимосвязи с культурно-историческим контекстом.

Невозможность самоидентифицироваться в современности порождала необходимость обращения к историческому прошлому. Олег Дарк

пишет: «Можно выделить три эмиграции... Губанова... Первая – во времени, историческая» [7]. Исследователь отмечает, что Губанов формирует в лирике «почти музейное пространство» [7], то есть насыщает современную ему Москву 60–70-х годов приметами тех же десятилетий прошлого, XIX века.

Таким образом, Дарк отмечает неприятие Губановым современности и его ориентацию на «эмиграцию» в прошлые эпохи. Однако при этом в его статье «Леонид Губанов: «Двадцатого века порог обиваю...»» в качестве временной координаты самоопределения подробно рассматривается лишь XIX век. Однако мы считаем, что интерес поэта к истории не ограничивается одной исторической эпохой. Диалог с русской историей, на наш взгляд, является одной из важнейших форм авторского самоопределения в лирике Леонида Губанова.

Рассматривая данный аспект авторской самоидентификации, мы выделяем несколько пространственно-временных локусов, а также ряд ключевых для губановской поэзии образов русской истории.

Таковыми концептуальными точками самоопределения для Губанова становятся:

- 1) Древняя Русь, татаро-монгольское иго;
- 2) эпоха Ивана Грозного и опричнина;
- 3) Смутное время;
- 4) церковный раскол;
- 5) эпоха петровских преобразований, образ Петра Первого, а также противоположный ему образ Допетровской Руси, царевны Софьи, стрелецкого бунта, боярства;
- 6) образы Степана Разина и Емельяна Пугачёва;
- 7) история СССР сталинской эпохи (вторая четверть XX века).

В статье мы рассмотрим некоторые из вышеперечисленных концептуальных координат, определим основные функции изображения тех или иных исторических фигур, мотивацию обращения к той или иной

исторической эпохе, проследим особенности авторского самоопределения и специфику диалога с русской историей в лирике Леонида Губанова.

Следует отметить, что русский мир (в том и числе и современность) воспринимается поэтом в первую очередь через трагизм русской истории. В этом отношении очень характерно стихотворение «Воспоминание». Казалось бы, всё начинается с традиционной языковой игры: «Берёзы Батыя – кумыса бутылки» [6, с. 34]. По замечанию А.А. Журбина, «смысловое начало в губановских произведениях зачастую стоит на втором плане (после фонетического, «празыкового» значения слов)» [9, с. 179]. Действительно, образы «Воспоминания» фрагментарны, общая картина складывается, на первый взгляд, из совершенно разрозненных в смысловом отношении составляющих. Однако предельная ассоциативность стихотворения ещё сильнее связывает его образы с системой глубинной исторической памяти целого народа. Автор делает драматичный экскурс в трагическую историю России – «малиновой Руси» [6, с. 35], по определению Губанова.

Русь в стихотворении представлена как страна страдания. Её история пропитана невинной кровью, наполнена войнами и женскими стонами. Земля хранит в себе погибших и замученных: «Где в глине грядок всполотых / Есть имя девок вспоротых» [6, с. 35]. Страдания становятся плотью и кровью народа, трагическая история является основой народной памяти, впитываясь в души людей с материнским молоком, формируя взгляд на мир, менталитет. Трагедии не забываются, страдания повторяются из века в век: «Огни... да не огни, пожалуй, / А то великие пожары / Все семь столетий прогорели, / И на обугленных коленях / Деревни воют, как при Невском: «Вернись, милёнок мой – Иван...»» [6, с. 35]. Усиливая связь времён в трагическом замкнутом круге русского национального дискурса, Губанов обращается к образу Александра Невского. Ледовое побоище и переломные сражения Великой Отечественной войны разделяет ровно 700 лет, «семь столетий».

Таким образом, обращение к русской истории в лирике Губанова – это призыв не забывать трагедий прошлого, но в то же время – ужас перед тем, что забыть их невозможно, ибо трагедии народа остаются с ним, повторяясь в новых и новых национальных катастрофах. Временные категории приобретают статичность, время не движется. Исчезают границы эпох, исчезают разделяющие их столетия, эпохи сливаются в единое концептуально-историческое время русского мира: «А бабу взяли ту на мушку. / Три пули в грудь, а ей всё кажется, / Что рубит повоев меч мужа / И кровью на ромашки кашляет!..» [6, с. 36].

Некоторые образы, относящиеся к концепту «Древняя Русь», связаны непосредственно с образом автора в лирике Губанова и системой авторской самономинации. Так в стихотворении «Кем там кашляют ступени, старина?» возникает образ Ивана Калиты: «Сероглазый, словно Ива-Калита, / Я хую, как наивный календарь» [6, с. 13]. Ассоциативный, глубоко индивидуальный характер сравнения подчёркнут его окказиональной модификацией: не Иван Калита, но «Ива-Калита». Также образ этого московского князя встречается в стихотворении «Москва-река»: «От Калиты холодная и древняя, / под смех дворян и ругань ямщика, / ты всё течёшь лесами и деревнями, / Москва-река, мужицкая река» [4, с. 267]. В данном случае Иван Калита – лишь обозначение эпохи, временных границ, от которых поэт решает вести отсчёт.

Предельную ассоциативность поэзии Губанова, насыщенность поэтических текстов неординарными, неожиданными образами отмечали многие критики и исследователи творчества поэта. В частности Владимир Радзишевский в статье «Афоризмы разрезанного горла» пишет: «Метафорическое буйство вихрем закручивало эти стихи, выдерживая едкие рискованные уподобления» [14, с. 214]. Именно созданию таких «рискованных» в смысловом отношении образов порой подчинено обращение поэта к истории Древней Руси. Так в стихотворении «Поезд ушёл на Париж...», посвящённом Вадиму Делоне – другу и соратнику по СМОГУ, Губанов использует сравнение: «Молодость наша прошла, /

Как половецкий табун...» [6, с. 563]. Очень точное, ёмкое, зримое сравнение, тесно связанное с биографическим контекстом. При этом в данном случае на первый план выходит не историческая память, а личные воспоминания поэта о бурной богемной молодости.

Восприятие истории России в первую очередь как многовековой череды трагедий заставляет Губанова обращаться именно к драматичным, переломным периодам в истории страны. Одним из таких периодов является эпоха Ивана Грозного и опричнина.

С образами опричников всегда связаны понятия «блуд», «хитрость» «насилие», «грех». Например, в стихотворении «Над красной Москвою белые кони звёзд...» наряду с традиционными для Губанова образами национального дискурса: «И пахло телятами, божьими фресками, жатвой» [6, с. 30], – возникает следующий образ: «И блуд начинался за пухом лукавых опричников» [6, с. 30].

В стихотворении «Потухая, вытряхали из избы...» образ опричников дан более развёрнуто: «...шли по сёлам, как по горенкам, опричники» [4, с. 285]. Третья и четвёртая строки первого катрена звучат как ужасный лозунг: «Всю планету обрюхатить и избить – то ли дело!» [4, с. 285]. Поэт изображает опричников как лихой, разудалый народ, находящийся, однако, выход своей удали в непристойностях и иррациональной жестокости: «Хохотали, выли песни непристойные... / ...Заходили мы ко вдовушкам во дворики, / заходили по головушкам топорики. / Ой люли, вдова, с печи привстань, / полюби, вдова, мои уста, / мои очи, мои руки, буйну кровицу... / Хватит корчить, потаскуха, Богородицу!» [4, с. 285].

Вскользь (но всё в том же негативном контексте) упомянуты опричники в стихотворении «Псковская пастораль»: «Скит! Прости мои скитания, / суету сует, измен, / где в опричниках – свидания, / и улыбки взяты в плен» [6, с. 387]. Их образ связан с изменами, прелюбодеянием, мирской суетой, которым Губанов противопоставляет скит – исповедальный, монашеский путь. Вероятно, Губанов, глубоко знающий и

понимающий русскую историю и культуру, знал о факте предсмертного монашеского пострига Ивана Грозного. Мог предполагать поэт и о понимании царём «иночества как истинно нравственного состояния человека, наиболее предпочтительного для его искупления грехов в земной жизни и уж тем более для приготовления к вечной жизни за пределами земного существования» [15]. Таким образом, стихотворение «Псковская пастораль» может косвенно, иносказательно отсылать читателя к образу Иоанна IV.

Для образа Грозного характерна монологическая форма выражения: Губанов говорит от лица царя, там, где возникает образ Ивана IV, возникает и авторское «Я». Об этом явлении говорит, в частности, А.А. Журбин. Рассматривая исторические поэмы Леонида Губанова, среди которых есть и поэма «Иван Грозный», исследователь отмечает: «иносказательную предметность образов», «их биографическую относительность, художественно недостоверную насыщенность» [8, с. 134]. Действительно, поэт не историк и на эту роль он ни в коем случае не претендует. В лирике Губанова происходит именно самоидентификационное переосмысление исторического контекста, творческая переработка исторического материала. Ввиду исповедальности губановской лирики, а также высокой степени близости лирического героя к биографическому автору, обращение к той или иной личности русской истории зачастую ведёт к приближению исследуемого образа к образу самого автора, а значит, и к приближению лирического героя к тому или иному историческому времени. В поэме «Иван Грозный» на фоне примет эпохи: «...я выгоню из горниц Борьку», «кладу тебя на простынь синюю, / где со Скуратовым Малютою / черниц и вдовушек насилую», и т.д., – поэт ведёт монолог от лица царя: «Я – Грозный! Я тебя малую...», «Я – Чингисхан, я грозный царь...» [6, с. 688]. То же самое происходит и в стихах: «Бумагу царапал и лапал, / рубином смотрел – Иван Грозный... Я взял отшлифованный посох, / уже не таюсь я, не прячусь» [6, с. 286] (стихотворение «Шуточное пророчество»); «Это волосы схлопотали, /

Александрова слобода моя» [6, с. 160] (стихотворение «Эскиз (ватман, цветная тушь)»). Таким образом, в процессе самоидентификации происходит слияние лирического героя с персонажем, которое помогает соотнести образ «я» с определённой социально-бытовой и культурно-исторической средой» [13, с. 13]. Губанов «присутствует в стихотворении, но как бы растворившись в своих героях, надев их маску» [10, с. 165].

Подобное слияние мы наблюдаем и при обращении Губанова к переломной эпохе петровских преобразований. Согласимся с мнением Владимира Бондаренко: Губанов действительно очень «любил Древнюю Русь, допетровскую Русь» [3, с. 597]. Следует упомянуть и мнение Бондаренко о том, что Губанов «был на стороне стрельцов, на стороне староверов, на стороне древних сказителей... становясь сам на время то, боярином, то стрельцом» [3, с. 598]. Действительно, нельзя не почувствовать и не отметить определённые симпатии поэта именно к Руси допетровской. Вероятно, это связано с эстетическими установками Губанова, с его глубокими познаниями в русской истории, его инстинктивным чувством национального духа.

Так например, поэт очень часто обращается к образу русского боярства, древний институт которого был разрушен именно при Петре Первом. Фраза «Мы – бояре» встречается в стихотворениях «Непригоже жить в потьмах...» [6, с. 20], «Неужели я в помятом...» [6, с. 423], «Это бубны, это бубны, палачи...» [6, с. 67], «Отступление в XVII век» [6, с. 93]. В последних двух случаях, учитывая монологический характер авторской речи и номинацию «мы», можно говорить об отождествлении коллективного лирического героя с поколением, к которому относился сам Губанов и большинство смогистов. Это портрет поколения, «поколения с перебитыми ногами» [2, с. 162]: лишённого почвы, возможности жить традиционными ценностями и проповедовать их, возможности быть собой.

Вызывает интерес и трактовка поэтом образа стрельцов и стрелецкого бунта, которые также связаны с драматичной, переломной эпохой Петра. Авторское «Я» вновь трансформируется в историческое и поколенческое «мы». Стрелецкое «мы» противопоставлено образу Петра, причём монарху брошен открытый вызов: «Пусть в петле конопляной покрасуется Пётр. / Сукин сын, небо босо – не своё куси, / Ты зудишь, как заноза, в гордом сердце Руси» [6, с. 68]. Пётр I, таким образом, изображён в понимании стрельцов как абсолютное зло. С их точки зрения его преобразования – «заноза», горе для страны, разрушающее русскую национальную самобытность.

Сами стрельцы показаны как стихия, русский народ во всей его страшной, деструктивной, разрушительной иррациональной мощи: «Чёрной мезью бодем, бьём челом кобелям, / От сивухи колеем и дрожим, как земля» [6, с. 68]. При этом страна и её народ вновь и вновь воскресают, восстают из пепла: «Мы ложились на плаху, чтоб воскреснуть опять!» [6, с.68]. Губанов, таким образом, вновь заставляет эпохи наслаиваться, сливаться, взаимно дополнять друг на друга, создавая единый концептуальный временной конгломерат русской истории. Подобная трансформация категории времени, вероятно, говорит о попытке Леонида Губанова на примере отдельных исторических фактов выявить некие общие закономерности русского национального дискурса, а значит, ответить и на интересующие его вопросы современности и, соответственно, самоопределиться, создавая за счёт пространственно-временных искажений своеобразную модель мира в лирике.

Что касается истории XX века, то Губанова она интересовала в гораздо меньшей степени, нежели более далёкие эпохи. И это вполне логично: XX век, так и не давший поэту заслуженного признания, не мог восприниматься поэтом как вероятное поле для самоидентификации. Тем более что новейшая история была, пожалуй, ещё более кровавой и страшной, чем Средневековье или Новое время. Тем более что именно в конце первой – второй четверти XX века произошли те трагические

изменения, которые установили систему, не предполагающую наличие в ней поэта Леонида Губанова.

Лев Аннинский пишет: «Фигуры из исторической обоймы появляются словно затем, чтобы была опровергнута их значимость. Один раз Сталин помянут по существу – в духе разоблачительных 60-х..., но ещё дважды – как мелькнувшая деталь обстановки» [1, с. 191]. В первом случае критик говорит о следующих строках: «...тень Сатаны на берегу / моей неласковой отчизны, / где всё хорошее падёт / и, вспомнив старенькие чистки, / сам Сталин по костям пройдёт...» [6, с. 415]. Фигура Вождя народов изображена в контексте «неласковой отчизны». В данном случае можно говорить об отождествлении Сталина с государственной машиной, современной поэту, отчуждающей его от Родины и читателя.

В остальных же случаях образы вождей советского государства используются как средство создания неожиданной метафоры: «целовались, как при Сталине» [6, с. 387], «И кодеин расплатится в аптеке, / Как Троцкий в восемнадцатом году» [5, с. 207], – или как примета времени (по словам Аннинского, «для календарной привязки» [1, с. 191]): «Я помню себя, когда ещё был жив Сталин» [6, с. 239].

Таким образом, обращение к образам российской истории в лирике Леонида Губанов выполняет следующие функции:

- 1) представляет собой один из аспектов системы авторской самономинации;
- 2) служит для временной кодировки эпохи, тот или иной образ является временным маркером, соотносящим текст стихотворения с конкретным временем;
- 3) функция перекодировки: разрушение привычных временных координат, слияние ушедших эпох с современностью и, в конечном счёте, формирование целостного русского историко-культурного дискурса лирики Леонида Губанова, создание особой модели мира;

- 4) может являться своеобразной языковой игрой, механизмом творчества: образы русской истории служат для формирования средств художественной выразительности.

Исследователь В. Кулаков отмечает: «...и Пугачёв, и Грозный, и Пушкин в стихах Губанова – прежде всего сам Губанов. Он примеряет их маски, легенды, может, даже чуть соперничает с ними, но говорит-то в конечном счёте о себе» [11, с. 283]. Действительно, обращение к историческому времени решает в первую очередь проблемы современности, образы исторических деятелей служат для поэта своего рода ориентирами, подтверждающими мировоззренческие установки поэта. В конечном итоге, в большинстве случаев диалог с русской историей становится для Леонида Губанова одной из главных возможностей обозначения координат самоидентификации, а также способом формирования особого дискурса русского мира в лирике.

Список литературы

1. Аннинский Л.А. В таинственном бреду // Дружба народов. 2009. № 7. С. 187-195.
2. Батшев В. С. СМОГ: поколение с перебитыми ногами. Записки старых лет // Мосты. 2009. № 21. С. 162-184.
3. Бондаренко В.Г. Последние поэты империи. – М.: Молодая гвардия, 2005. 667 с.
4. Губанов Л.Г. И пригласил слова на пир: Стихотворения и поэмы / Коммент. и библиогр. А.А. Журбина. – СПб.: Вита Нова, 2012. 592 с.
5. Губанов Л.Г. Серый конь. – М.: Эксмо, 2006. 384 с.
6. Губанов Л.Г. Я сослан к музе на галеры... – М.: Время, 2003. 736 с.
7. Дарк О.И. Леонид Губанов: «Двадцатого века порог обиваю...», 2008 г. URL: <http://www.russ.ru/pole/Leonid-Gubanov-Dvadcatogo-veka-porog-obivayu> (дата обращения: 01.10.2011).

8. Журбин А.А. Интертекстуальность творчества Леонида Губанова: Дис. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2006. 185 с.
9. Журбин А.А. Рембо – Губанов: сравнительная характеристика художественного метода // Южно-Российский вестник геологии, географии и глобальной энергии. 2006. № 6 (19). С. 174-179.
10. Корман Б.О. Лирика Н.А. Некрасова. – Воронеж, 1964. 390 с.
11. Кулаков В.Г. СМОГ: взгляд из 1996 года // Новое литературное обозрение. 1996, № 20. С. 275-291.
12. Кублановский Ю.М. На свету и в темнотах лирической самобытности // Новый мир. 2004. № 1. С. 167-171.
13. Маргьянов Е.Ю. Герой-маска как тип репрезентации авторского сознания // Актуальные вопросы филологических наук: материалы междунар. науч. конф., Чита, ноябрь 2011 г. / Отв. ред. О.А. Шульга. – Чита: Издательство Молодой учёный, 2011. С. 12-15.
14. Радзишевский В. В. Афоризмы разрезанного горла // Дружба народов. 2004. № 2. С. 210-214.
15. Черкасова М.С. Иван Грозный о монастырях и монашестве своего времени // Кириллов: краеведческий альманах, 1997, № 2. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/2ki/ril/lov/3.htm> (дата обращения: 15.10.2013).

References

1. Anninskij L.A. *Druzhiba narodov* [Friendship of peoples], no. 7 (2009): 187-195.
2. Batshev V. S. *Mosty* [Bridges], no. 21 (2009): 162-184.
3. Bondarenko V.G. *Poslednie poety imperii* [Last poets of empire]. – Moscow: Molodaja gvardija, 2005. 667 p.
4. Gubanov L.G. *I priglasil slova na pir: Stikhotvoreniya i poemu / Komment. i bibliogr. A.A. Zhurbina*. [And invited words to the feast: poems. Comments and bibliogr. by A.A. Zhurbin]. – Saint-Petersburg Vita Nova, 2012. 592 p.

5. Gubanov L.G. *Seryy kon'* [Grey horse], Moscow: Jeksmo, 2006. 384 p.
6. Gubanov L.G. *Ja soslan k muze na galery...* [I'm exiled to the muse on galleys]. – Moscow: Vremja, 2003. 736 p.
7. Dark O.I. *Leonid Gubanov: «Dvadtsatogo veka porog obivayu...»* [Leonid Gubanov: «I am besieging the twentieth century house»], 2008. <http://www.russ.ru/pole/Leonid-Gubanov-Dvadcatogo-veka-porog-obivayu> (accessed October 1, 2011).
8. Zhurbin A.A. *Intertekstual'nost' tvorchestva Leonida Gubanova: Dis. ... kand. filol. nauk* [Intertextuality works by Leonid Gubanov: Diss. ... Cand. of Philol. Sciences]. – Astrahan', 2006. 185 p.
9. Zhurbin A.A. *Yuzhno-Rossiyskiy vestnik geologii, geografii i global'noy energii* [South Russian messenger of geology, geography and global energetics], no. 6(19) (2006): 174-179.
10. Korman B.O. *Lirika N.A. Nekrasova* [N.A. Nekrasov's lyrics]. – Voronezh, 1964. 390 p.
11. Kulakov V. G. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], no. 20 (1996): 275-291.
12. Kublanovskij Yu.M. *Novyj mir* [New world], no. 1 (2004): 167-171.
13. Mart'yanov E. Yu. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk: materialy mezhdunar. nauch. konf* [Topical issues of Philology: Proceedings of the Int. Scientific Conf.]. – Chita, 2011. Pp. 12-15.
14. Radzishevskij V.V. *Druzhiba narodov* [Friendship of peoples], no. 2 (2004): 210-214.
15. Cherkasova M.S. *Kirillov: kraevedcheskij al'manah* [Kirillov: almanac local history], no. 2 (1997). <http://www.booksite.ru/fulltext/2ki/ri/lov/3.htm> (accessed October 15, 2013).

ДАнные об авторе

Рухлов Александр Владимирович, старший преподаватель кафедры истории литературы и фольклора филологического факультета, аспирант третьего года обучения

Курганский государственный университет

ул. Гоголя, д. 25, г. Курган, Курганская область, 640669, Россия

e-mail: rukhloff988@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Ruhlov Aleksandr Vladimirovich, senior lecturer of the chair of history of literature and folklore of philological faculty, post-graduate student of the third year of study.

Kurgan State University

25. Gogolja street, Kurgan, Kurgan region, 640669, Russia.

e-mail: rukhloff988@mail.ru

Рецензент:

Жукова И.М., к.ф.н., доцент, заведующая кафедрой истории литературы и фольклора Курганского государственного университета